

О. Н. Корочкова,* Э. Р. Усманова**

ЗНАК ПУТИ В СИМВОЛИКЕ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-74-83

УДК 902.2(470.5+574)“637”

ББК 63.4(235.55+5Каз)

Авторами предлагается интерпретация одного из эксклюзивных атрибутов федоровской культуры — глиняных емкостей, известных как блюда. В качестве основного источника рассматриваются артефакты из двух могильников: Урефты I лесостепного Зауралья (Челябинская обл.) и Лисаковского I в Северном Казахстане (Костанайская обл.). Анализ контекстов и аналогий в культурах бронзового века Центральной Европы позволяет рассматривать глиняные блюда как модели повозок. Подобная символика соответствует динамике федоровской культуры, носители которой обладали ярко выраженной мотивацией к движению. Всеобщий характер распространения памятников федоровской культуры в рамках андроновской общности, трудозатратность погребального церемониала, глубокое воздействие на аборигенные культуры в процессе колонизации земель, лежавших к северу и востоку от исходной территории миграций, свидетельствуют о выделении в иерархии местного общества автономной группы, обладавшей высокой степенью мобильности. Первоначальное ядро федоровской культуры оформилось в степном Зауралье и Казахстане в статусе субкультуры одной из элит местного общества, археологически обозначенного памятниками алакульской культуры. Именно здесь в предшествующую эпоху сложился оригинальный «колесничий комплекс», представлявший собой экспрессивную форму обрядовой практики, вызванную инновациями в сфере транспорта и скоростей. Развитие «знака мобильности» в погребальном тексте от собственно колесницы (синташтинская культура) к ее имитации (петровская культура) и далее к более емкому выражению в виде модели повозки (федоровская культура) соответствует универсальной траектории символа.

Ключевые слова: *бронзовый век, Урал, Казахстан, андроновская общность, глиняное блюдо, модель повозки, мобильность*

Переход к эпохе металла в лесостепном/степном Зауралье и Казахстане приходится на начало II тыс. до н. э., ознаменован становлением подвижного скотоводства, резким ростом мобильности на фоне развития колесного транспорта, разделения труда и нового характера связей. Подобные перемены в образе жизни

самым непосредственным образом сказались в культурных кодах и активировали различные формы выражения идентичности. Наиболее ярким индикатором происходивших тогда изменений в ритуальной практике становится погребальная обрядность, которую можно рассматривать как знаковую систему с присущими ей текстом и символикой, выраженной в предметах и опредмеченных действиях.¹

Исторический фон. В рамках андроновской общности на одной территории практиковались альтернативные системы погребальной обрядности, которые стали фактором выделения двух различных культур — алакульской и федоровской. Среди специалистов до сих пор нет единого мнения о соотношении этих комплексов, и если генезис алакульской традиции совершенно определенно связан с преемственностью по линии «синташта — петровка — алакуль», то федоровский культурогенез изобилует самыми противоречивыми вариантами. Объединяет их то, что порой взаимоисключающие модели — наследственности, независимости, субкультурности — рассматриваются

Корочкова Ольга Николаевна — д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург)
E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru

Усманова Эмма Радиковна — н.с., Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский университет им. академика Е. А. Букетова (Казахстан, г. Караганда)
E-mail: emmadervish2004@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития» (рук. О. Н. Корочкова)

** Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект № АР05132595 «Изучение и документирование культурных ландшафтов Центрального Казахстана с применением современных технологий и междисциплинарных методов» (рук. Д. А. Джумабеков)

¹ См.: Лотман Ю. М. К проблеме типологии культуры // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1967. Вып. 198. С. 30–38.

в сочетании «алакуль — федорово», отражая тем самым неразрывную связь этих феноменов. Авторы данной работы подходят к решению проблемы соотношения алакульской и федоровской культур с принципиальной позиции, за которой стоит многолетний опыт исследования двух могильников — Урефты I в лесостепном Зауралье² и Лисаковский I в Северном Казахстане.³ Современная база данных радиоуглеродных датировок подтвердила точку зрения, которой мы придерживались ранее, исходя из анализа археологических ситуаций. Алакульские и федоровские комплексы на определенном этапе развития сосуществуют, но оформление федоровской традиции состоялось несколько позже.⁴

Процессы культурогенеза XVIII–XVI вв. до н. э. являются результатом дальнейшего развития и трансформации культуры населения эпохи бронзы лесостепного Зауралья и Урало-Казахстанских степей. В этот период меняется культурный ландшафт. Исчезают сосредоточенные на компактной территории Зауральского пенешена (350 × 200 км)⁵ укрепленные поселения синташтинской культуры площадью 6500–25000 кв. м, могильники с погребениями колесничих. На стадии, соответствующей стабильной фазе развития Западноазиатской/

Евразийской металлургической провинции, на широкой территории, превосходящей ареал предшествовавшей синташтинской культуры в 4 раза (1200 × 800 км), появляются памятники петровские, алакульские, федоровские, структурированные инструментами археологической типологии в рамках андроновской общности. Процессы культурогенеза на фоне начавшегося ксеротермического периода были обусловлены развитием подвижного скотоводства, разработкой меднорудных месторождений, необходимостью поиска новых пастбищ и других жизнеобеспечивающих ресурсов (воды, леса, охотничьих и рыболовных угодий). Они сопровождались освоением новых территорий и контактами с местным населением. В этих условиях формируется инвариантное ядро алакульской и федоровской погребальной обрядности.

Одним из эксклюзивных атрибутов погребального инвентаря федоровской культуры являются так называемые глиняные блюда. Блюда представляют собой невысокие глиняные плоскдонные емкости подпрямоугольной, редко овальной или квадратной формы, с невысокими бортиками, слегка отогнутыми наружу. По оформлению верхней части бортиков выделяются две группы: 1) углы оформлены своеобразными защипами-ушками (горизонтальными или вертикальными, сформованными или прилепленными); 2) углы гладкие, без защипов. До сих пор эта интересная категория предметов не подвергалась отдельному изучению. Из всех известных трактовок можно упомянуть только приведенное К. В. Сальниковым предположение С. Н. Дурылина об изготовлении их специально для могилы — «на мертвеца».⁶

В данной работе мы хотим привлечь внимание к этим артефактам и поделиться собственными попытками расшифровки их семантики, опираясь прежде всего на материалы могильников Урефты I и Лисаковского I.

Контексты. Могильник Урефты I расположен в 30 км от г. Челябинска на южном берегу оз. Урефты. Включает около 40 курганных насыпей (раскопано 18).⁷ Федоровские объекты, локализованные на периферии могильника, отличались от алакульских более крупными

² См.: Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006.

³ См.: Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005.

⁴ См.: Епимахов А. В., Хэнкс Б., Рэнфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102; Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, № 3. С. 136–167; Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология культур Западной Евразии в эпоху раннего металла // Естественные научные методы исследования и парадигма современной археологии: материалы Всерос. науч. конф. М., 2015. С. 15; Епимахов А. В. К вопросу о радиоуглеродной аргументации ранней датировки алакульских древностей // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2016. № 3 (34). С. 60–67; Ткачев В. В. Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2016. № 3 (34). С. 68–77; Calendar Age of Lisakovsky Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia / Panyushkina I. [et al.] // Radiocarbon. 2008. Vol. 50, iss. 3. P. 459–469.

⁵ См.: Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. Проблема освоения евразийских степей в эпоху бронзы и «Страна городов» Южного Урала // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 110–128; Григорьев С. А. Древние индоевропейцы. Челябинск, 2015. С. 21–28; Ткачев В. В. Формирование культурного ландшафта Уральско-Мугоджарского региона в позднем бронзовом веке: освоение меднорудных ресурсов и стратегии адаптации к условиям горно-степной экосистемы // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 2. С. 205–230.

⁶ См.: Дурылин С. Н. Раскопки под Челябинском // Зап. УОЛЕ. Свердловск, 1927. Т. 40, вып. 2. С. 117; Сальников К. В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области // МИА. М.; Л., 1941. № 1. С. 66.

⁷ См.: Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Указ. соч. С. 4–108.

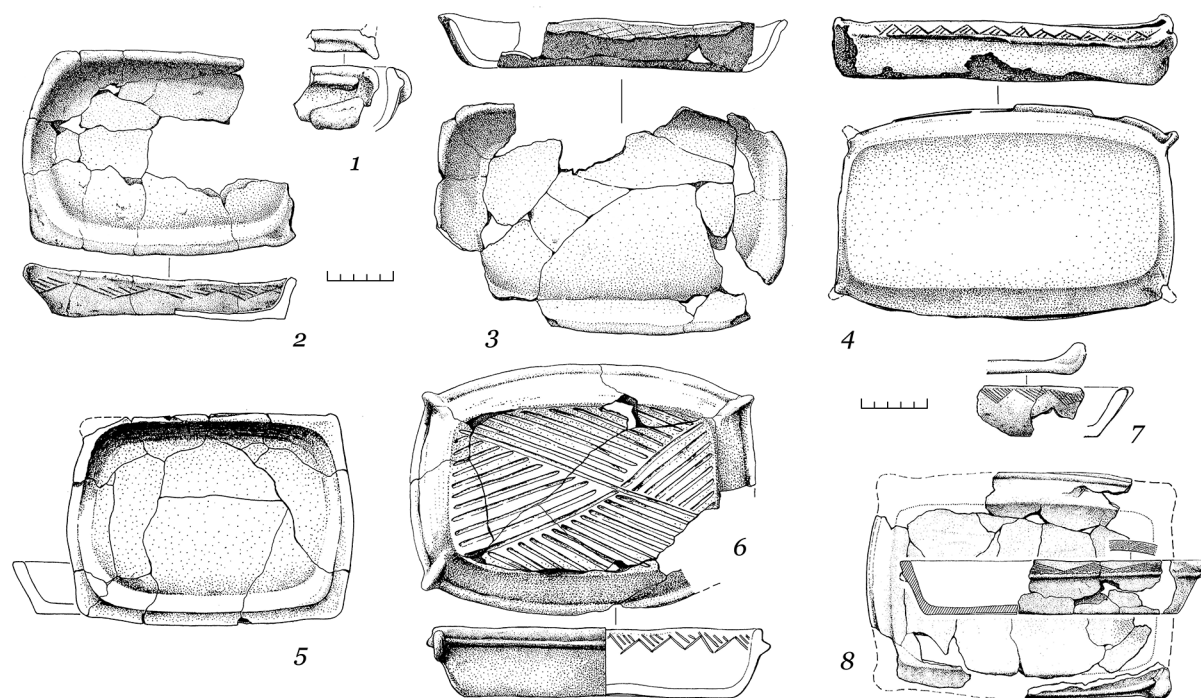

Рис. 1. Моги́льник Уре́фты I:

1 — курган 1, погребение 2; 2–5 — курган 4 (2, 3 — погребение 1, 4 — погребение 2, 5 — погребение 3);
6–8 — курган 6 (6 — погребение 3, 7, 8 — погребение 1)

размерами надмогильных сооружений и наличием оградок из гранитных отдельных, составляют не более четверти от всех курганов. В восьми федоровских курганах исследовано 13 могил (ср.: в десяти алакульских и алакульско-федоровских курганах — 90). При этом в пяти федоровских оградах находилось по одной могиле, в двух по три, и в одной оградке — по две. Захоронения совершались в крупных ямах площадью 2,5–6,5 кв. м, глубиной 1–1,5 м, с заплечиками, на которые укладывались перекрытия из дерева. В шести могилах обнаружены кремнированные кости человека. В остальных погребениях костные останки либо не сохранились, либо отсутствовали. Погребальный инвентарь представлен обычно одним или двумя горшками, блюдом и горшком, либо просто блюдом (в одном погребении их было два). В единственном случае в погребении были найдены два бронзовых ножа.⁸

Археологически целые блюда (6 экз.) и единичные обломки трех блюд обнаружены в четырех из восьми федоровских курганов, в семи из тринадцати могил, то есть они были непременным сопроводительным атрибутом не всех погребений, а только половины.

Морфологические характеристики (рис. 1). Размеры блюд — от 20,5 × 15,7 × 2,6–3,7 см до 27 × 17 × 3,5–4 см. На шести блюдах имеется орнамент. По внешней стороне бортиков в зоне под валиком в технике мелкозубчатого гребенчатого штампа нанесен бордюр из равнобедренных треугольников — вершиной вверх или вершиной вниз. У единственного блюда на внутренней стороне стенок располагался пояс резных треугольников, с орнаментом на внешней стороне днища — треугольные зоны, образованные двумя диагональными линиями и «заштрихованные» под разным углом желобками. В такой же технике декорировалась одна из групп федоровской посуды. Формовка и обработка поверхности блюд отличаются от горшечной посуды небрежностью исполнения. В качестве сырья использовались сильно запесоченные и илистые глины, отбор которых осуществлялся в разных местах. Сырье двух блюд из кургана 4 (погр. 1 и 2) заметно отличалось от других блюд наличием неокатанных или слабоокатанных непрозрачных обломков горных пород розоватого цвета.⁹

Моги́льник Лисаковский I находится в 1,5 км от г. Лисаковска на правом берегу р. Тобол

⁸ См.: Там же. Рис. 37.

⁹ Определения выполнены канд. культурологии, с.н.с. ИПОС ТюмНЦ СО РАН В. В. Илюшиной.

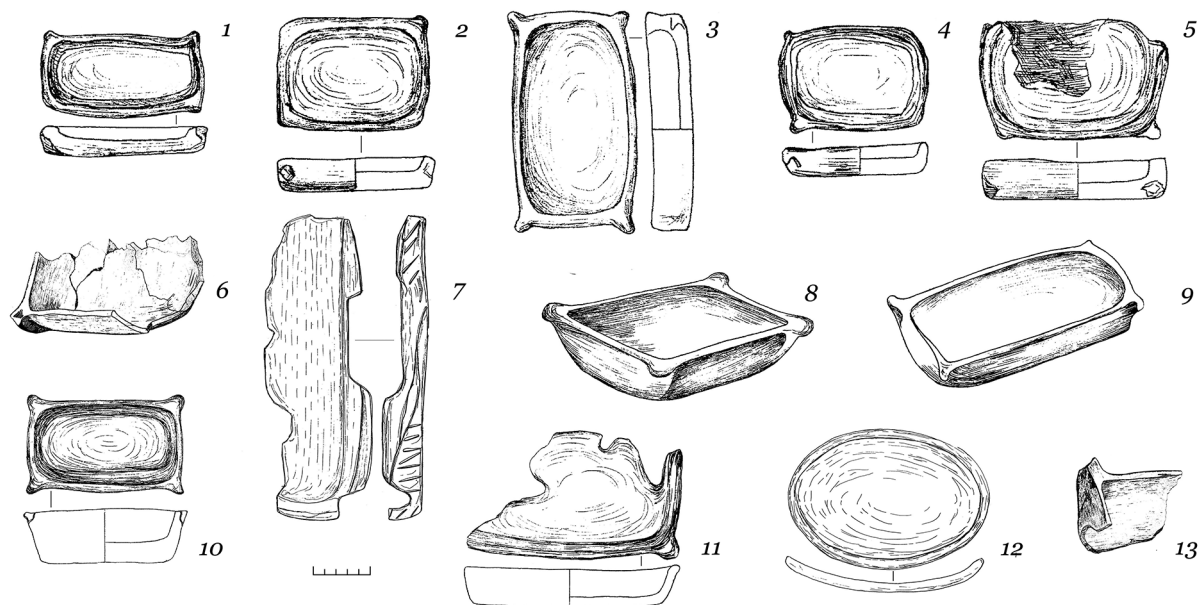

Рис. 2. Могильник Лисаковский I:

1–6 — группа Г, ограда 13, погребение 1; 7 — группа Г, ограда 13, погребение 3; 8 — группа В, ограда 15; 9 — группа А, ограда 16, погребение 1; 10–11 — группа Г, ограда 6, погребение 1; 12 — группа Г, ограда 10, погребение 2; 13 — группа В, ограда 22, погребение 1

(Костанайская обл., Казахстан). Могильное поле состоит из четырех групп. Группа А — это погребальные комплексы алакульской и федоровской культуры. Группа Б содержала алакульские погребения. Группы В и Г принадлежат федоровской погребальной традиции. Группа В состояла из 22 погребальных сооружений, выстроенных в зигзагообразный ряд. Особой системы в их расположении не наблюдалось. Группа Г — 19 сооружений, расположенных в два параллельных друг другу ряда, с четко выраженной структурой организации погребального пространства. Федоровское погребальное сооружение отличается от алакульского: отсутствуют насыпь и пристройки; камень уложен в кольцо ограды плашмя в несколько рядов; грунтовые ямы единично облицованы камнем или деревом, большинство имеют уступы; способ обращения с умершим — кремация.

17 блюд (цельных и во фрагментах) обнаружены всего в девяти из 78 раскопанных федоровских погребений. В трех погребениях (гр. В) они представлены единичными фрагментами. Остальные шесть погребений с целыми блюдами — в группе Г: по одному блюду было поставлено в три погребения, по два — в два погребения и — уникальный случай, когда в одном погребении (гр. Г. огр. 13–1) находилось семь блюд. Только в двух случаях блюда не сопровождалось горшком. Всего в трех федоровских погребениях могильника Лиса-

ковский I обнаружены вещи (браслеты, пряслице). Среди них и захоронение (группа Г, огр. 16, погр. 2) с единственным в коллекции орнаментированным блюдом, в комплекте с которым находились шило и пряжка.¹⁰

Морфологические характеристики (рис. 2). Размеры цельных блюд в диапазоне: от 11–12 × 6 см до 14 × 7–8 см (12 блюд); от 15 × 8 см до 16 × 10 см (2 блюда). Высота 3–4 см, глубина 1–2 см. 15 блюд имеют ушки-защипы на бортиках, преимущественно наклепные, треугольной формы в разрезе, высотой до 1,5 см. Одна миска овальной формы, без бортиков и ушек. Единственное декорированное вертикальными и наклонными линиями блюдо плохой сохранности, также без ушек.

Технология изготовления лисаковских блюд пока не изучена. Визуально отмечаются небрежная лепка, некачественный обжиг, другие рецептура теста и способы обработки поверхности в сравнении с федоровскими горшками. Внутренняя поверхность имеет трещины, нет следов краски, жира, нагара, потертостей.¹¹

Лисаковские блюда отличаются от урфинских относительно небольшими размерами, отсутствием валиков и геометрического орнамента.

¹⁰ См.: Усанова Э. Р. Указ. соч. С. 137. Рис. 78.

¹¹ Проанализировано три блюда на лазерном атомно-эмиссионном спектрометре "LAES Matrix Continuum", заключение к.х.н. В. Н. Фомина, КарГУ им. академика Е. А. Букетова.

Интерпретации. Известно около 50 экземпляров подобных блюд. Предварительные анализы свидетельствуют, что никакие специальные манипуляции в этих емкостях не производились, на них нет следов нагара, хотя допускаем, что нынешние возможности аналитического изучения этой категории находок далеко не исчерпаны. Целые блюда — исключительно погребальный атрибут. Они известны в могильниках Федоровский,¹² Смолино,¹³ Сухомесово,¹⁴ Исаково, Кинзерский,¹⁵ Приплодный Лог,¹⁶ Туктубаево.¹⁷ В культурных слоях поселений Береговское,¹⁸ Тасты-Бутак и Ушкатты,¹⁹ Лисаковское,²⁰ Усть-Кенетай²¹ обнаружены единичные фрагменты. Подобные находки неизвестны в восточном ареале андроновской общности, а происходящие отсюда обломки похожих сосудов, скорее всего, принадлежат к типичным для этих регионов сосудам с четырехугольным устьем.²²

Важное замечание — блюда принадлежат к погребальному инвентарю в федоровских курганах/оградах, расположенных исключительно на территории распространения алакульских памятников.

Надо отметить, что пополнившийся фонд источников мало повлиял на сложившиеся у исследователей представления об этой категории погребального инвентаря. Столь серьезная «проверка временем» позволяет рассматривать зафиксированные контексты и некоторые «закономерности в поведении» этих артефактов как объективные свидетельства их особой символической нагрузки в ритуальной практике древних скотоводов степного и лесостепного Зауралья и Северного Казахстана. При этом, как показывает статистика, блюда сопровождают далеко не все

федоровские погребения. В таком случае блюдо выступает в погребальном обряде как символ определенного статуса похороненных с ним людей.

Какие процессы стимулировали формирование специфических знаковых систем в это время? В бронзовом веке в урало-казахстанских степях происходят активные поиски и эксперименты во всех областях жизнедеятельности человека, вызванные кардинальными переменами в его взаимоотношениях с окружающим миром. Революционная триада эпохи бронзы «металл — скот — транспорт» сориентировала человека на интенсивную преобразовательную деятельность, развитие новых форм коммуникаций. Необходимость выработки высоких компетенций стимулировала профессиональную специализацию. В местных социумах выделяются рудоискатели и горняки, литейщики и кузнецы, колесничие и тележники, мастера деревообработки, животноводы и строители, ткачи и гончары. Новые сферы деятельности в условиях архаичного общества подкреплялись ритуальной практикой, сопровождались сложением разнообразных иерархий, утверждением новых культурных кодов. Возможно, культивирование познаний в сфере профанного и сакрального осуществлялось в закрытых группах. О наличии подобных групп с известной долей условности сообщают «погребальные тексты» немногочисленных захоронений с ярко выраженной профессиональной символикой (погребения литейщиков, горняков, колесничих, ткачей).

На статус подобной автономной группы претендуют носители федоровской культуры. Соображения на этот счет уже приводились.²³ Отметим некоторые из них.

1. Высокая степень трудозатратности при сооружении погребальных конструкций и совершении погребального ритуала, который реконструируется как растянутая процедура предпохоронного, похоронного и послепохоронного циклов: обустройство просторной глубокой могилы, подготовка кремационного костра, собственно кремация, помещение праха умершего в погребальную камеру (по версии некоторых исследователей, в виде специальной куклы), сооружение перекрытия и консервация ямы, заготовка гранитных плит, возведение ограды диаметром 8–15 м.

¹² См.: Сальников К. В. Андроновский курганный могильник... Табл. 1, 4, 12.

¹³ См.: Он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. Рис. 48, 6.

¹⁴ См.: Там же. Рис. 46, 14, 15.

¹⁵ См.: Там же. Рис. 34, 11.

¹⁶ См.: Малютина Т. С. Могильник Приплодный Лог // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 70.

¹⁷ См.: Кузьмина Е. Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. Рис. 3.

¹⁸ См.: Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. С. 204, 205. Рис. 28, 10.

¹⁹ См.: Сорокин В. С. Западные памятники андроновской культуры // Андроновская культура. Памятники западных районов. САИ, 1966. Вып. В 3-2. С. 13.

²⁰ См.: Усманова Э. Р. Указ. соч. С. 91.

²¹ См.: Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Караганда, 2002. С. 34.

²² См.: Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. С. 102.

²³ См.: Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Указ соч. С. 68–82, 117–126.

2. Минимальное количество погребений в одной ограде: обычно одно, реже два или три погребения.

3. Ограниченный комплект предметов в погребальном инвентаре: один-два сосуда, одно-два глиняных блюда (уникальный случай, когда в могильнике Лисаковский I в погребении обнаружено 7 блюд); изделия из бронзы единичны.

4. Использование в качестве ритуальной пищи реберной части туши лошади или мелкого рогатого скота.

5. Отсутствие впускных погребений и следов намеренного проникновения в древности.

6. Все федоровские погребения обнаружены на территории совместных алакульско-федоровских некрополей. «Чистые» федоровские могильники в Южном Зауралье и Северном Казахстане неизвестны. При этом количество федоровских погребений в лесостепном Зауралье значительно уступает числу алакульских. Сравните: на практически полностью исследованной территории могильника Лисаковский I 48 % погребений принадлежат федоровской культуре, а в могильнике Урефты I — 15 % (в реальности эта разница было гораздо большей, так как раскопаны далеко не все алакульские курганы, но почти все федоровские).

7. Неизвестны до сих пор и «чистые» федоровские поселения. Керамика федоровского типа, которая опознается по ковровому орнаменту на основе косой сетки, составляет незначительный процент в керамических коллекциях поселений алакульской культуры. Несколько более многочисленными на поселениях являются так называемые смешанные алакульско-федоровские варианты керамической посуды.

Эти и многие другие факты, довольно рано замеченные исследователями,²⁴ свидетельствуют о том, что самостоятельного федоровского этапа в лесостепном Зауралье и урало-казахстанских степях не было, носители федоровских традиций были инкорпорированы в среду населения, археологически представленного алакульскими комплексами.

Сравнение погребального обряда, керамики, костюма, украшений свидетельствует о принципиально разных знаковых системах федоровской и алакульской культур. Федоровскую традицию отличает статичная, консер-

вативная система погребальной обрядности, которая имеет низкий показатель вариативности. Исключение составляет только погребальная посуда. В федоровские могилы иногда ставили горшки смешанного федоровско-алакульского (могильники Солнце-Талика, Федоровский, Касарги, Троицк-7 и др.) или федоровско-черкаскульского (Туктубаево) облика. Алакульская культура, напротив, представляет собой динамичную открытую систему, вбирающую черты других культур (федоровские, срубные) без ущерба для своей самобытности.²⁵

Высокая трудозатратность, малое количество погребений в каменных оградах, которые не подвергались намеренному проникновению, отсутствие «чистых» федоровских могильников и поселений, способ обращения с умершим в виде кремации — все эти вместе взятые показатели соответствуют определенному статусу носителей федоровских традиций в иерархии общества того времени.

Глиняное блюдо в составе минималистичного комплекта погребального инвентаря выступает в качестве принципиально важного символа-предмета. Если мы откажемся от идеи считать данный предмет посудой, то меняется сущность его назначения и, соответственно, название. Предлагаем рассмотреть глиняное блюдо в качестве модели транспортного средства — *повозки*, которая лепилась специально для погребального обряда.

Практика помещения глиняных моделей различных транспортных средств в погребальные комплексы в эпоху палеометалла приобретает повсеместное распространение. Достаточно вспомнить модели саней трипольской культуры, лодок минойской культуры Крита, повозок культур Карпатского бассейна и Средней Азии, кибиток катакомбной культуры.²⁶ В этом же ряду можно рассматривать иные символы мобильности в погребальных комплексах: колеса, псалии, стрекала, стремяна,

²⁵ См.: Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Указ. соч. С. 109–136.

²⁶ См.: Гей А. Н. Новотитовская культура. М., 2000. С. 175–191; Балабина В. И. Глиняные модели саней культуры Кукутень-Триполье и тема пути // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004. С. 180–213; Бороффка Н. Глиняные модели повозок в Карпатах и проблема происхождения боевых колесниц // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008. С. 30–46; Кирчо Л. Б. Древнейший колесный транспорт на юге Средней Азии (новые материалы Алтын-депе) // Археол., этногр. и антропол. Евразии. 2009. Т. 37, № 1. С. 25–33; Bondar M. Prehistoric wagon models in the Carpathian Basin (3500–1500 BC). Budapest, 2012; Новоженев В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М., 2012. С. 125–150.

²⁴ См.: Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С. 132.

а также многочисленные наскальные изображения повозок.²⁷

В изучаемом регионе лесостепного и степного Зауралья подобная практика наиболее яркое воплощение нашла в «колесничном комплексе» синташтинской культуры, в который входят колесницы или ее элементы, детали конской упряжи (псалии), набор инвентаря воина-колесничего.²⁸ С течением времени погребальная символика постепенно стала имитировать, а не копировать «колесничный комплекс», о чем свидетельствуют погребения петровской культуры.²⁹

Интерпретация блюда как модели повозки основывается прежде всего на общей стилистике образа транспортного средства и соответствует универсальной практике замены трудоемкого церемониала лаконичными символами. В комплексах культур ранней и средней бронзы Балкано-Карпат и Кавказа присутствуют изображения миниатюрных моделей реальных повозок, в том числе с фигурками быков. Однако в дальнейшем культуры эпохи поздней бронзы демонстрируют универсальную тенденцию к развитию и преобразованию символа. Форма повозки становится конвенциональной, условной. Фигурки быков заменяются на изображение рогов, колеса — на выпуклые полукружия, дышло обозначается рисунком/орнаментом.³⁰ Таким образом, отсутствие столь значимых в нашем случае критериев идентификации повозок — отверстий для крепления колес или дышла, самих колес — не исключает предложенную трактовку. Другое дело, что варианты интерпретаций могут быть разными. Так, для одного из авторов этой статьи столь характерные ушки-выступы по углам — это знаки колес (О. К.), а у другого ассоциируются с изображением рогов, символизируя пару запряженных в повозку быков (Э. У.). Для расшифровки семантики отдельных деталей необходимы убедительные аргументы, одних авторских впечатлений и ассоциаций, конечно, недостаточно. Но согласимся, в ряде случаев сходство глиняных

моделей повозок, относящихся к разным культурно-хронологическим комплексам, носит поразительный характер. По всей видимости, за подобным сходством скрывается близость конструкций реальных повозок или волокуш, которые обеспечивали успешность миграций, заселение и хозяйственное освоение земель ранними скотоводами. Они служили средством передвижения, мобильным домом, грузовой платформой.

В рамках огромной андроновской общности, сложившейся к середине II тыс. до н. э. в степном и лесостепном поясе от Урала до Енисея (2 200 × 1 700 км), именно федоровский культурный компонент является транскультурным,³¹ что служит показателем высокого уровня его мобильности. Территория алакульской общности меньше в два раза, восточнее Иртыша алакульские памятники неизвестны. Носители федоровских традиций оказали сильное воздействие на культуры населения северной лесостепи Тоболо-Иртышья, лесостепного Приобья и Минусинских котловин, сыграв определяющую роль в смене стратегий жизнеобеспечения и распространении скотоводства. В результате интеграции пришлого (федоровского) и местного (кротовско-елунинский массив) населения происходит плавная трансформация, что подтверждают результаты антропологических и палеогенетических анализов.³² Полученные серии дат из комплексов Минусинской котловины (XVII–XV вв. до н. э.)³³ демонстрируют относительно поздний период появления этих памятников на Среднем Енисее, что соответствует логике магистральной колонизации и формирования андроновской общности. В результате движения, взаимодействия с многочисленными и разнообразными локальными культурами оказались утраченными многие прежде значимые материальные символы погребальной обрядности, в том числе и обсуждаемые нами глиняные модели, известные в археологической литературе как блюда. Примечательно,

²⁷ См.: Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. С. 277–285.

²⁸ См.: Епимахов А. В., Чечушков И. С. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск, 2006. С. 169.

²⁹ См.: Епимахов А. В., Новиков И. В. Проблема интерпретации колесничной символики бронзового века в лесостепном Зауралье (по материалам могильника Озерное-1) // Археологические вести. СПб., 2017. Вып. 23. С. 353.

³⁰ Ср.: Bondar M. Op. cit. Fig. 3–5, 10–12.

³¹ См.: Корочкова О. Н. К обсуждению термина «андоновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии. М., 2004. С. 202–211.

³² См.: Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита — раннего железа. Новосибирск, 2012; Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н. э. / Молодин В. И. [и др.]. Новосибирск, 2013. С. 127–129.

³³ См.: Поляков А. В. Радиоуглеродные даты памятников андроновской (федоровской) культуры на Среднем Енисее // Зап. ИИМК РАН. 2019. № 20. С. 171.

что они обнаружены в федоровских комплексах, локализованных в части андроновского ареала, совпадающего с территорией предшествующих синташтинской и петровской культур с характерными для них символическими практиками «колесничного комплекса».

По всей видимости, носители федоровских традиций обладали несомненными преимуществами и достижениями, что обеспечило их распространение не только на восток по степному коридору, но и далеко на север, в горно-лесное Зауралье, подтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье и Приобье, где складываются культуры андронидной общности.³⁴ Эти преимущества были обусловлены тетradой «скотоводство — металл — транспорт — мобильность». Логика формирования андроновской общности отвечает алгоритму перерастания локальной культуры в магистральную, «когда благодаря освоению больших пространств происходит синтез локальных культур в сложное сообщество через социоадаптацию».³⁵

Исчезновение «темы пути» из погребальных ритуалов андроновских комплексов восточной зоны, возможно, отражает фазу стабильного развития местного общества и окончательного завершения процессов колонизации, лимитированных ландшафтно-климатическими условиями. В начале бронзового века технологические инновации (прежде всего металл и колесный транспорт) коренным образом изменившие мировосприятие человека, выз-

вали необходимость формирования новых мировоззренческих адаптаций. На первых порах они носили характер экспрессивных символических практик в виде отчуждения большого количества металла в сакральную сферу, возведения трудозатратных погребальных сооружений («колесничий комплекс») и укрепленных поселений сложной планировки (типа Синташта–Аркаим), обильных жертвоприношений животных, изготовления объемных ювелирных женских гарнитуров и др. Однако по прошествии времени инновации эпохи бронзы приобрели черты освоенных практик и не нуждались в трудоемкой ритуальной поддержке.

Глиняная модель транспортного средства, скорее всего, символизировала высокий статус умершего человека и соотносилась со знаком «пути», предметно воплощая его деятельную позицию и социальную мобильность, которая «во все времена... была знаком свободы и превосходства».³⁶

Появление знаков-предметов мобильности отражает кардинальные перемены в эпоху палеометалла, обусловленные транспортной революцией, которая изменила способы перемещения грузов и людей, усовершенствовала модели коммуникаций, способствовала сложению «скоростного режима» сухопутных дорог Евразии, изменившегося только с появлением железнодорожного и автомобильного транспорта.

Olga N. Korochkova

Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru

Emma R. Usmanova

Researcher, E. A. Buketov Karaganda University (Kazakhstan, Karaganda)
E-mail: emmadervish2004@mail.ru

SIGN OF THE WAY IN THE SYMBOLISM OF THE FEDOROVO CULTURE

The authors offer an interpretation of one of the exclusive attributes of the Fedorovo culture such as clay containers known as dishes. Artifacts from two burial sites are considered as the main source: Urefty I (forest-steppe Trans-Urals, Chelyabinsk region) and Lisakovsky I (Northern Kazakhstan, Kostanay region). The analysis of contexts and analogies in the Bronze Age cultures of Central Europe makes it possible to regard clay dishes as wagon models. This symbolism corresponds to the dynamics of the Fedorovo culture, the bearers of which had a pronounced motivation to move. The Fedorovo culture has a widespread distribution of its sites within the Andronovo community. The main features of this culture are the complexity of the funeral rite, a significant influence

³⁴ См.: Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андронидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург, 2010. С. 88–94.

³⁵ См.: Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 21, 22.

³⁶ См.: Головнёв А. В., Куканов Д. А., Перевалова Е. В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб., 2018. С. 4.

on aboriginal cultures during the colonization of the lands to the North and East of the original migration territory. All of the above indicates the formation of an autonomous group in the hierarchy of local society, which had a high degree of mobility. The original core of the Fedorovo culture was formed in the steppe Trans-Urals and Kazakhstan in the status of the subculture of one of the local community elites, which was represented by sites of the Alakul culture. It was here that the original “chariot complex” had been formed, which reflected innovations in the field of transport and speed, representing an expressive form of ritual practice. The development of the “mobility sign” in the funeral rite from the chariot (the Sintashta culture) to its imitation (the Petrovka culture), and then to a more capacious expression in the form of a wagon model (the Fedorovo culture) corresponds to the symbol’s universal trajectory.

Keywords: *Bronze Age, Urals, Kazakhstan, Andronovo Community, clay dish, wagon model, mobility*

REFERENCES

- Balabina V. I. [Clay models of sledges of the Cucuteni–Trypillia culture and the path theme]. *Pamyatniki arkheologii i drevnego iskusstva Evrazii* [Monuments of archaeology and ancient art of Eurasia]. Moscow: IA RAN Publ., 2004, pp. 180–213. (in Russ.).
- Bondar M. *Prehistoric wagon models in the Carpathian Basin (3500–1500 BC)*. Budapest: Archaeolingua, 2012. (in English).
- Boroffka N. [Clay models of carts in the Carpathians and the problem of the war chariots origin]. *Proiskhozhdeniye i rasprostraneniye kolesnichestva* [The origin and distribution of chariots]. Lugansk: Globus Publ., 2008, pp. 30–46. (in Russ.).
- Chernykh E. N., Orlovskaya L. B. [Radiocarbon chronology of Western Eurasian cultures in the early metal era]. *Yestestvennonauchnyye metody issledovaniya i paradigma sovremennoy arkheologii: materialy Vseross. nauch. konf.* [Natural science research methods and the paradigm of modern archaeology: materials of the All-Russian Sci. Conf.]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015, pp. 8–18. (in Russ.).
- Chikisheva T. A. *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita — rannego zheleza* [Dynamics of anthropological differentiation of the population of the South of Western Siberia in the Neolithic — Early Iron Age]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2012. (in Russ.).
- Durylin S. N. [Excavations near Chelyabinsk]. *Zapiski Ural'skogo Obshchestva Lyubiteley Estestvoznaniya* [Bulletin of the Uralic Society of Friends of the Natural Science]. Sverdlovsk, 1927, vol. 40, no. 2, pp. 105–123. (in Russ.).
- Epimakhov A. V. [Revisiting radiocarbon argumentation of early dating of Alakul' antiquities]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 3 (34), pp. 60–67. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-060-067 (in Russ.).
- Epimakhov A. V., Chechushkov I. S. [Eurasian chariots: design features and functionality]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the Southern Urals. Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk: Rifey, 2006, pp. 168–182. (in Russ.).
- Epimakhov A. V., Hanks B., Renfrew K. [Radiocarbon chronology of the Bronze Age sites in the Transuralian region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2005, no. 4, pp. 92–102. (in Russ.).
- Epimakhov A. V., Novikov I. V. [Problem of interpretation of the chariot symbolism of the Bronze Age (materials of the burial ground Ozernoye-1)]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archeological news]. Saint Petersburg: IIMK RAN Publ., 2017, iss. 23, pp. 345–354. (in Russ.).
- Evdokimov V. V., Varfolomeev V. V. *Epokha bronzy Tsentral'nogo Kazakhstana* [The Bronze Age of Central Kazakhstan]. Karaganda: KarGU Publ., 2002. (in Russ.).
- Gay A. N. *Novotitorovskaya kul'tura* [Novotitorovskaya culture]. Moscow: Staryy sad Publ., 2000. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of Movement (Antiquities of the North Eurasia)]. Ekaterinburg: UrO RAN; “Volot” Publ., 2009. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Kukanov D. A., Perevalova E. V. *Arktika: atlas kochevykh tekhnologiy* [Arctic: Atlas of Nomadic Technologies]. Saint Petersburg: MAE RAN Publ., 2018. (in Russ.).
- Grigoriev S. A. *Drevniye indoevropeytsy* [Ancient Indo-Europeans]. Chelyabinsk: Tsitsero Publ., 2015. (in Russ.).
- Kirtcho L. B. [The earliest wheeled transport in Southwestern Central Asia: new finds from Altyn-Depe]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2009, vol. 37, no. 1, pp. 25–33. (in Russ.).
- Korochkova O. N. [Discussion of the term “Andronovo community”]. *Problemy pervobytnoy arkheologii Evrazii* [Problems of primordial archaeology of Eurasia]. Moscow: IA RAN Publ., 2004, pp. 202–211. (in Russ.).

- Korochkova O. N. *Vzaimodeystviye kul'tur v epokhu pozdney bronzy (andronoidnyye drevnosti Tobolo-Irtysh'ya)* [Interaction of cultures in the Late Bronze Age (andronoid antiquities of the Tobol-Irtysh region)]. Ekaterinburg: Uralyurizdat Publ., 2010. (in Russ.).
- Kuzmina E. E. [Tuktubaev burial ground and the question of the chronology of the Fedorovo type monuments in the Urals]. *Problemy arkheologii Urala i Sibiri* [Problems of archaeology of the Urals and Siberia]. Moscow: Nauka Publ., 1973, pp. 153–164. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. [On the problem of typology of culture]. *Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Tartu State University]. Tartu: Tart. un-t Publ., 1967, iss. 198, pp. 30–38. (in Russ.).
- Malyutina T. S. [Burial ground Priplodny Log]. *Bronzovyy vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [The Bronze Age of the Ural-Irtysh interfluvium]. Chelyabinsk: Bashkirskiy universitet Publ., 1984, pp. 58–79. (in Russ.).
- Molodin V. I. *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985. (in Russ.).
- Molodin V. I., Epimakhov A. V., Marchenko Zh. V. [Radiocarbon chronology of the South Urals and the South of the Western Siberia cultures (2000–2013-years investigations): principles and approaches, achievements and problems]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2014, vol. 13, no. 3, pp. 136–167. (in Russ.).
- Molodin V. I., Pilipenko A. S., Chikisheva T. A. et al. *Mul'tidistsiplinarnyye issledovaniya naseleniya Barabinskoy lesostepi IV–I tys. do n. e.* [Multidisciplinary studies of the population of the Baraba forest-steppe of the 4th–1st millennium BC]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2013. (in Russ.).
- Novozhenov V. A. *Chudo kommunikatsii i drevneyshiy kolesnyy transport Evrazii* [The miracle of communication and the earliest wheeled transport of Eurasia]. Moscow: Taus Publ., 2012. (in Russ.).
- Panyushkina I., Mills B. J., Usmanova E. R., Li Cheng. Calendar Age of Lisakovskiy Timber Attributed to Andronovo Community of Bronze Age in Eurasia. *Radiocarbon*, 2008, vol. 50, iss. 3, pp. 459–469. DOI: 10.1017 / S0033822200053558 (in English).
- Polyakov A. V. [Radiocarbon dates from the Andronov (Fedorovo) culture sites on the Middle Yenisei]. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury* [Transactions of the Institute for the history of material culture], 2019, no. 20, pp. 163–173. DOI: 10.31600/2310-6557-2019-20-163-173 (in Russ.).
- Salnikov K. V. [Andronovo burial mound near the Fedorovka village of the Chelyabinsk region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941, no. 1, pp. 58–68. (in Russ.).
- Salnikov K. V. *Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala* [Essays on the ancient history of the South Urals]. Moscow: Nauka Publ., 1967. (in Russ.).
- Sher Ya. A. *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Nauka Publ., 1980. (in Russ.).
- Sorokin V. S. [Western sites of the Andronovo culture]. *Andronovskaya kul'tura. Pamyatniki zapadnykh rayonov* [Andronovo culture. Monuments of the western regions]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966, iss. B 3-2, pp. 5–17. (in Russ.).
- Stefanov V. I., Korochkova O. N. *Urefty I: zaural'skiy pamyatnik v andronovskom kontekste* [Urefty I: the Trans-Urals site in the Andronovo context]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2006. (in Russ.).
- Stokolos V. S. *Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya* [Culture of the Bronze Age population of the South Trans-Urals]. Moscow: Nauka Publ., 1972. (in Russ.).
- Tkachev V. V. [Cultural landscape formation within the Ural-Mugodzhary region in the Late Bronze Age: development of copper ore resources and a strategy of adaptation to the mountain-steppe ecosystem]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 2017, no. 2, pp. 205–230. (in Russ.).
- Tkachev V. V. [Radiocarbon chronology of Kozhumberdy cultural group on the western periphery of the Alakul area]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 3 (34), pp. 68–77. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-068-077 (in Russ.).
- Usmanova E. R. *Mogil'nik Lisakovskiy I: fakty i paralleli* [Burial ground Lisakovskiy I: facts and parallels]. Karaganda: Karagand. gos. un-t im. Ye. A. Buketova; Lisakovsk: Lisakov. muzey istorii i kul'tury Verkh. Pritobol'ya Publ., 2005. (in Russ.).
- Zdanovich G. B., Zdanovich D. G. [The problem of the development of the Eurasian steppes in the Bronze Age and the “Land of cities” of the South Urals]. *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri* [Archaeology of the Urals and Western Siberia]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2005, pp. 110–128. (in Russ.).